

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Г. Ф. ДЕБЕЦ

О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАС

(По поводу статьи В. В. Бунака «Человеческие расы и пути их образования», «Советская этнография», 1956, № 1)

При всей условности любой классификации, неизбежно схематизирующей реальные связи явлений, научное значение этого средства познания совершенно очевидно. Естественно, что проблема классификации человеческих рас является предметом внимания антропологов, и не случайно за последнее десятилетие в советской литературе опубликованы три классификационные схемы¹. По существу все эти классификации мало различаются между собой. Все они основаны на генеалогическом, а не на морфологическом принципе, т. е. расы и антропологические типы объединяются не по сходству, а по родству. Генеалогический принцип не исключает, однако, морфологического критерия. Иными словами, выяснение степени сходства является не самоцелью, а основным, хотя и не единственным, средством для определения родства.

В статье В. В. Бунака также подчеркивается важность соблюдения генетического подхода к расообразованию. Хотя история взглядов по этому вопросу не является специальным предметом внимания в рассматриваемой статье, следует все же отметить не совсем удачный способ изложения. Из статьи можно сделать вывод, что понимание расы как исторической категории обосновано лишь в работах самого В. В. Бунака (стр. 86) и этот принцип лишь «в известной мере получил отражение» в книге К. Куна (стр. 97). Гораздо важнее, однако, подчеркнуть, что между В. В. Бунаком и другими советскими (а также многими зарубежными) авторами по существу нет расхождений по этому вопросу. Жаль, что возражения В. В. Бунака против понимания расы как неизменяющейся категории, против «одностороннего морфологизма», против игнорирования территориального критерия и т. п.— направлены «в пространство». Библиографические ссылки придали бы этой полемике большую определенность.

Первым вопросом, подвергнутым обсуждению в рассматриваемой статье, является вопрос о связи рас современного человека с расами неандертальцев. В. В. Бунак разделяет, хотя и без каких-либо ссылок на историю вопроса, точку зрения большинства советских антропологов (наибо-

¹ Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. XVI, М., 1951; Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955; Г. Ф. Дебец, Расы, БСЭ², т. 36, М., 1955.

лее последовательно обоснованную Я. Я. Рогинским²⁾ на моноцентрическое происхождение *Homo sapiens*. «Позднепалеолитические типы,— пишет В. В. Бунак,— правильнее определить как смесь разновидностей одного полиморфного подвида, еще не распавшегося на расы» (стр. 88). Таким образом, человек позднего палеолита рассматривается как представитель того обобщенного типа современного человека, существование которого теоретически предполагает моноцентрическая теория происхождения современных рас. Иных доказательств в пользу этой теории не приводится; о тех, которые излагались ранее, В. В. Бунак не упоминает.

В. В. Бунак полагает, что кроманьонский тип нельзя считать древней формой европеоидной расы. Перечисляя признаки кроманьонского типа, которые противоречат этому предположению, В. В. Бунак начинает с малого носового указателя. Но каков же должен быть носовой указатель у европеоидных черепов?³ Далее отмечается невысокое переносье. Но это просто неверно: на шести мужских черепках Морант⁴ получил среднюю величину симотической высоты 4,2 мм, а на двух женских 4,7 мм. Затем упоминается альвеолярный прогнатизм. Но этот признак характерен только для черепа Кро-Маньон I, остальные кроманьонцы ортогнатны, если не считать, конечно, те черепа, которые и не следует относить к кроманьонскому типу («негроиды» Гримальди и др.). Далее следует большая скуловая ширина. Действительно, этот признак, столь характерный для кроманьонцев, не типичен для современных европеоидных форм, среди которых средние величины около 140 мм (на мужских черепках) могут быть встречены только у горцев Большого Кавказа. Но если большая ширина лица исключает возможность отнесения рассматриваемого типа к европеоидной расе, то следует исключить из числа европеоидных типов также некоторые неолитические и более поздние формы, в том числе афанасьевцев и андроновцев. Однако в классификации В. В. Бунака те и другие фигурируют в качестве представителей европеоидного ствола (стр. 103). Но кто же утверждал, что кроманьонцы совсем не отличаются от современных рас Европы? Сам же В. В. Бунак пишет, что «кроманьонский тип определяют (опять безличная форма.— Г. Д.) как древнеевропеоидный». И определяют, надо заметить, не только хронологически, но и морфологически. Если аргумент о большой ширине лица направлен против сторонников взгляда о неизменности рас, то он, конечно, уместен, но те, кто «определяют» кроманьонский тип как древнеевропеоидный, тем самым не могут стоять на этой позиции. Список признаков заканчивается низкой мозговой коробкой. Но это опять недоразумение. По сводке Моранта, базило-брегматическая высота позднепалеолитических мужских черепов из Западной Европы равна 136 мм. По данным того же Моранта⁵, из 41 серии европеоидных черепов средняя величина базило-брегматического диаметра на 32 сериях меньше 136 мм. Последним аргументом В. В. Бунака является указание на то, что кроманьонский тип в Европе представлен слабее, чем в Северной Африке. Заметим, кстати, по поводу малой высоты черепа, что базило-брегматическая высота мезолитических мужских черепов из Афалу-бу-Рюммель (очевидно, они и имеются в виду) превышает 140 мм⁶. Но дело не в этом, а в доказательстве «от географии». Оно может убедить только воображаемого читателя, не знающего, что с антропологической точки зрения Северная Африка (равно как и значитель-

² Я. Я. Рогинский, Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас, Изд-во МГУ, М., 1949.

³ Кроманьонцы действительно отличаются от современных европеоидных рас низким орбитным указателем. Но В. В. Бунак не упоминает об этом признаке.

⁴ G. M. Morant, Studies of Palaeolithic Man, IV, A biometric Study of the upper palaeolithic skulls..., «Annals of Eugenics», vol. IV, parts 1—2, 1930.

⁵ G. M. Morant, A preliminary classification of european races based on cranial measurements, «Biomatrica», vol. XX B, № 3—4, 1928.

⁶ C. A. G. A m b o u r g et autres, Les grottes paléolithiques de Béni-Ségoval, «Archives de l'Institut de Paléontologie humaine», mém. 13, 1934.

ная часть Передней Азии) относится к области распространения европеоидной расы и в настоящем и в прошлом. Таким образом, аргументы В. В. Бунака, направленные против признания кроманьонского типа⁷ древней формой европеоидной расы, нельзя признать убедительными.

По вопросу о существовании в позднем палеолите негроидных и австралоидных типов высказывания В. В. Бунака противоречивы. С одной стороны, гримальдийский тип не соответствует негроидному комплексу (стр. 87). Основанием для этого вывода являются сравнительно высокое переносье и контур скуловой кости. Первое неверно: Р. Верно⁸ специально отмечает уплощенность переносья как один из признаков «негроидов Гримальди». По поводу второго признака автор настоящей статьи должен признаться, что ему не известны работы, в которых характеризовались бы специфически свойственные негроидам особенности контура скуловой кости, отсутствующие на черепах типа Гримальди.

С другой стороны, на стр. 88 В. В. Бунак утверждает, что в строении еще не расставшегося на расы позднепалеолитического *Homo sapiens* «преобладали краниологические особенности тропического и южного стволов (негроидного и австралоидного)». Неясно, правда, как согласовать этот вывод с утверждением, что «объединение австралоидов с тропическими расами искажает историю формирования антропологических типов» (стр. 99); но так или иначе, негро-австралоидный или сходный с ним тип существовал в позднем палеолите — пусть в качестве общего предка современных рас. В виде исключения В. В. Бунак соглашается даже с широко распространенным мнением о том, что боскопский тип Южной Африки довольно близок к современному бушменскому. Таким образом, находятся и палеолитические предки негроидов.

В. В. Бунак не находит в позднем палеолите также представителей монголоидной расы. Действительно, находки позднепалеолитических черепов в области формирования монголоидной расы немногочисленны. Об афонтовском фрагменте⁹ В. В. Бунак не упоминает. Между тем исключительно плоское переносье этого фрагмента все же резко отличает его от кроманьонцев. В. В. Бунак пишет, что монголоидными «называют» череп из Оберкасселя и один череп из Верхней пещеры в Чжоу-коу-дянь. Оставим в стороне вопрос об оберкассельском черепе, сходству которого по некоторым признакам с монголоидными черепами не придавалось, насколько известно, генетического значения. Что же касается черепов из Чжоу-коу-дянь, то монголоидным «называют» не один череп, а по меньшей мере два, поскольку один из женских черепов определен Ф. Вейденрейхом¹⁰ как эскимойдный. Однако монголоидные черты действительно не очень явно выражены на этих черепах. Только угол выступления носа (важный, но не решающий признак) у них заметно меньше, чем у кроманьонцев, лицо же в самом деле отнюдь не плоское. Является ли это следствием примеси какого-то иного типа (протрайнского?) или же палеолитические предки монголоидов действительно отличались от современных рас азиатского ствола в том же направлении, в каком от них отличаются черепа из верхнего грота Чжоу-коу-дянь, — сказать трудно. Но для утверждения, что в позднем палеолите эйкумена была заселена

⁷ Здесь и везде этот термин употребляется в широком смысле, т. е. в число кроманьонцев включаются черепа из Пржедмоста, Барма-Гранде, Афалу и другие. Заметим, кстати, что чрезмерное расширение границ термина, т. е. применение его ко всем типам позднего палеолита, совершенно нецелесообразно, даже «для краткости», как это, к сожалению, допускают некоторые специалисты, например Я. Я. Рогинский.

⁸ R. Verneau, *Les grottes de Grimaldi* (Baoussé-Roussé), t. II, fasc. I, *Anthropologie*, Монако, 1906.

⁹ Г. Ф. Дебел, Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова Гора II» под Красноярском, «Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода», М., 1946, № 8.

¹⁰ F. Weidenreich, On the earliest representatives of modern Mankind recovered on the soil of East Asia, «Peking Nat. Hist. Bull.», vol. 13, part 3, 1939.

еще совершенно не дифференцированным типом *Homo sapiens*, имеющих данных явно недостаточно. Рассматривая типы позднего палеолита в качестве обобщенной предковой формы современного вида человека, В. В. Бунак оказывает, таким образом, плохую услугу разделяемой им моноцентрической концепции.

Современные расы формировались, по мнению В. В. Бунака, в мезолитическое и неолитическое время. Факторами расообразования являлись, с одной стороны, общественные явления: рост производительных сил привел к укреплению общественных группировок (племена вместо родов палеолита), к расширению брачных связей на основе экзогамии. С другой стороны, закрепилось приспособление к различным условиям географической среды. Чисто теоретически эта концепция могла бы быть предметом дискуссии, в ходе которой В. В. Бунаку следовало бы, конечно, ответить на ряд возражений.

Продолжительность позднего палеолита в несколько раз превышает продолжительность мезолита и неолита. Темп развития культуры в позднепалеолитическое время был более медленным, чем в последующие эпохи. Уровень культурного развития был ниже. Все эти обстоятельства должны были способствовать тому, что биологическое приспособление к географической среде должно было быть более интенсивным, чем в последующие эпохи. Почему же на протяжении десятков тысячелетий позднего палеолита человечество представляло собой недифференцированный подвид, а в мезолите и неолите влияние географической среды начало вдруг проявляться с такой интенсивностью? В. В. Бунак мог бы ответить на эти возражения тем, что только в определенных общественных условиях влияние географической среды могло оказать свое действие. Тогда пришлось бы провести принципиальную грань между расами человека и животных, которые, как известно, образуются под влиянием географической среды. Пришлось бы признать, что человеческие расы, или по крайней мере европеоидная и монголоидная расы, — образования, качественно отличные от рас животных не только в отношении факторов расообразования, но и по самой своей сущности, что это образования, свойственные лишь сравнительно развитому человеческому обществу. Дискуссия зашла бы в глубокие «философские дебри». Однако в распоряжении антропологической науки имеются, хотя и немногочисленные, но вполне определенные факты, которые позволяют отвергнуть гипотезу В. В. Бунака на основе конкретных данных, а не одних только умозрительных соображений.

Заселение Америки происходило как раз в мезолитическое и неолитическое время, а может быть и раньше. Но различия в физическом типе американских индейцев ничтожны, и авторы всех классификаций единодушно рассматривают их как самостоятельную ветвь, таксономически, во всяком случае, не более высокую, чем европеоидный или монголоидный ствол. А ведь в ландшафтном и климатическом отношении Америка отнюдь не составляет единства. Разве не свидетельствует этот факт о том, что формирование американского типа происходило в предшествующую эпоху и что разнообразие среды в мезолитическое и неолитическое время уже не привело к формированию рас, по крайней мере больших рас?

Австралия заселялась человеком не позднее, чем Америка, а, вероятно, даже раньше. Существование специфического австралийского типа совершенно очевидно, но не менее очевидно (в том числе и для В. В. Бунака) его родство и сходство с волнистоволосыми темнокожими типами Южной Азии. По мнению В. В. Бунака, эти типы ближе стоят к общему предку *Homo sapiens*, чем европеоиды и монголоиды. Но почему же, расселившись в мезолитическое или даже в еще более древнее время по столь различным ландшафтным зонам (от Ирана до Курильских островов и Австралии), австралоиды все же сохранили ряд признаков, позволяющих объединить их в один расовый ствол? Разве это не свидетельствует о том,

что эти стволы образовались в гораздо более отдаленную от нас эпоху, чем неолит и мезолит?

Начиная с эпохи бронзы, условий для образования новых рас, по мнению В. В. Бунака, уже нет, и дальнейшая история формирования расовых типов сводится преимущественно к их переселениям и смешениям, хотя наряду с этим имеют место также изменения отдельных признаков «и в пределах одной группы, без вхождения в нее нового элемента» (стр. 93). В. В. Бунак различает в посленеолитическое время три этапа расообразования: 1) век бронзы, железа и древнеисторический период; 2) средние века и начало нового времени; 3) современная эпоха, типы которой «находятся в стадии формирования» (стр. 93). Будучи, по-видимому, стеснен рамками журнальной статьи, В. В. Бунак изложил различия между этими тремя эпохами недостаточно ясно, и обсуждение его взглядов по этому вопросу вряд ли возможно.

Перед тем как перейти к классификации современных рас, В. В. Бунак останавливается на факторах, механизме и направлении расообразовательного процесса. Основным содержанием этого раздела является опровержение взгляда, излагавшегося, в частности, автором настоящей статьи (ссылок на работы автора в этом разделе, впрочем, нет) о «грацилизации» как одном из направлений расообразовательного процесса¹¹. По мнению В. В. Бунака, «грацильные» и «массивные» типы¹² «имеют лишь описательное значение» и «не характеризуют расообразовательный процесс в целом или на отдельных его этапах» (стр. 96).

Возражения В. В. Бунака против гипотезы «грацилизации» как одного из направлений расообразовательного процесса сводятся к следующему.

Сходство взрослой формы с детской «всегда относительно». Широколицесть ребенка, например, «морфологически совсем не та, что у взрослого». Речь идет, очевидно, не об абсолютной ширине лица и не о ширине лица по отношению к ширине черепа, а о лицевом указателе, который различается у детей и у взрослых вследствие более интенсивного увеличения высоты лица в процессе роста. Правильнее было бы говорить о «низколицести», но дело не в термине. Дело в том, что лицевой указатель и не принадлежит к числу тех признаков, которые обычно характеризуют процесс грацилизации. Да и вообще-то этот процесс почти никогда не характеризуется сохранением во взрослом состоянии всех детских особенностей. Пропорции тела «гипоморфных» типов, например, большей частью не обнаруживают явных отличий от более древних «гиперморфных» форм. Если бы В. В. Бунак утверждал, что «прямолинейность» ребенка, например, «не та, что у взрослого», то это могло бы стать предметом дискуссии. Но вместо этого В. В. Бунак предпочитает говорить о невозможности разделить по онтогенетическому принципу особенности строения больших рас; например, в строении верхнего века. Как будто бы кто-нибудь утверждал обратное! Второе возражение против гипотезы грацилизации серьезнее. «Во всех... областях древней эйкумены,— пишет В. В. Бунак,— найдены синхронные черепа массивного и тонкого строения». Наиболее убедительным доказательством является Южная Африка. Действительно, черепа из Фиш-Хука и Флорисбада или Кэп-Флетса более или менее синхронны. Но разве факты синхронного существования различных форм исключают возможность их генетической преемственности? Очевидно, следует обратить внимание на распространенность явлений, на сопоставление морфологических особенностей типов, относительно которых есть основания полагать, что они связаны генетической преемственностью. Именно так и поступал автор настоящей статьи, обосновывая гипотезу грацилизации. Но приведенные аргументы не разобраны и даже не упомянуты.

¹¹ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М., 1948, стр. 295—298.

¹² Наиболее удобные, хотя и недостаточно, к сожалению, употребительные термины для обозначения этих двух морфологических типов предложены Н. Н. Чебоксаровым: «гипоморфный» и «гиперморфный» типы.

Так как концепция В. В. Бунака, по его же словам, изложена им «в ряде работ по расоведению», то можно позволить себе обратиться к одной из этих работ, посвященной палеоантропологии Европы и имеющей непосредственное отношение к данному вопросу¹³.

Краниологические типы западноевропейского неолита, по утверждению В. В. Бунака, генетически не связаны с кроманьонцами. Кроманьонцы вошли в состав неолитического населения Западной Европы, но лишь в качестве примеси. Основой неолитических типов являются переселенцы из Передней Азии. Родиной европеоидов являются, таким образом, те области, где нет палеоантропологических находок позднепалеолитического времени. Основанием для такого заключения являются: а) отличия краниологических типов неолита от позднепалеолитических; б) сходство неолитических типов Европы и Передней Азии. То и другое верно. Отмеченные факты могли бы служить бесспорным доказательством внеевропейского происхождения неолитических типов для сторонника неизменности антропологических типов. В. В. Бунак к таковым себя не причисляет. Наоборот. Автор настоящей статьи и В. В. Бунак сходятся таким образом в основной теоретической предпосылке: предки неолитических племен Западной Европы морфологически отличались от своих потомков, формирование краниологических типов западноевропейского неолита связано с изменением морфологических признаков.

По мнению автора этой статьи, неолитические племена Западной Европы были сходны со своими палеолитическими предками по следующим признакам: невысокое ортогнатное клиногнатное¹⁴ лицо, узкий или среднеширокий выступающий нос. Отличия протоевропейского (в широком смысле слова кроманьонского) типа от его неолитических потомков сводятся к большей гиперморфности протоевропейцев, что выражается в большой ширине лица, сильном наклоне лба и развитом надбровье. Конечно, не все позднепалеолитические черепа Западной Европы характеризуются всеми этими признаками. Протоевропейскому типу, как и всем типам, свойственна индивидуальная изменчивость. Существовали, конечно, и локальные варианты протоевропейского типа, но для выявления их требуются не единичные объекты, а серии, которых мы пока не имеем. Протоевропейский гиперморфный тип повсеместно сменяется типами, более близкими к современным. Эту смену можно проследить везде, где для этого имеется достаточно находок: в северо-западной Африке, в Западной Европе, на Украине, в Карелии, в Нижнем Поволжье, в Казахстане, в Алтае-Саянском нагорье. Смена эта происходит, правда, не одновременно. В Передней Азии и вообще в восточном Средиземноморье гипоморфные типы, мало отличающиеся от современных, действительно известны уже в неолитическое время. Узколиций древнесредиземноморский тип долгое время существует одновременно с протоевропейскими кроманьонцами¹⁵. Но если гиперморфный протоевропейский тип и встречается когда-либо в более позднее время, то только в тех культурах, о которых и археологические данные свидетельствуют о появлении их в результате переселения («племя кубка» в круглых курганах Британии, племена рядовых могильников Украины).

По мнению В. В. Бунака, типы неолитических европейцев сформировались в Передней Азии. От какой древней формы они происходят? По-видимому, от какого-то позднепалеолитического типа. Отличался ли этот тип от кроманьонцев Европы? По-видимому, да, так как иначе против этого

¹³ В. В. Бунак, Краниологические типы западноевропейского неолита в сравнении с более древними, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XIII, 1951.

¹⁴ Термин предложен В. В. Бунаком (устное сообщение) и очень удачен. Клиногнатное лицо — с сильной горизонтальной профилировкой, платигнатное — со слабой, т. е. плоское.

¹⁵ Г. Ф. Дебец, Черепа из эпилеолитического могильника у с. Волошского, «Советская этнография», 1955, № 3.

переднеазиатского предка можно выставить те же возражения, что и против кроманьонцев Западной Европы. Значит, в позднем палеолите человечество все же «распалось на расы»! Очевидно, да, но судьба кроманьонцев Западной Европы, по В. В. Бунаку, по-видимому, такая же, как и судьба западноевропейских неандертальцев, по мнению Я. Я. Рогинского¹⁶. Они, если и вошли в состав позднейшего населения Европы, то лишь как примесь к пришельцам из Передней Азии. Только так можно найти выход из противоречивых высказываний В. В. Бунака. «Не распались на расы» лишь позднепалеолитические предки современных рас, в том числе и европеоидной. Эти предки, как уже отмечено, внешне напоминали современных представителей экваториального ствола. В ходе превращения в неолитических предков современных европейцев этот «полиморфный подвид» стал, очевидно, из прогнатного ортогнатным, из широконосового узконосым, изменилась форма его волос, цвет кожи, все что угодно, кроме, должно быть, известной грацильности строения. Для опровержения гипотезы грацилизации, для того, чтобы не допустить кроманьонцев на роль основного предка современных европеоидных рас, В. В. Бунак готов отбросить и территориальную преемственность и важнейшие диагностические признаки, только бы не признать, что из «массивного» типа произошел «грацильный», хотя, по его же словам, отличия между этими типами «не входят в число отличительных признаков рас и не изменяют диагноза расового типа» (стр. 96).

Нет, у кроманьонцев все же больше прав на роль предков европейцев, чем у негро-австралоидов Передней Азии!

В. В. Бунак признает, что «сдвиги», в результате которых возникает «сочетание ослабленного рельефа, выпуклого лба, уменьшения скуловой ширины, утончения стенок черепа», действительно имеют место, но что «в этих отличиях правильнее видеть завершение процесса перестройки черепа, не вполне оконченное у ископаемых неантропов» (стр. 95). Такие изменения имеют место лишь «при наличии архаических особенностей у исходных форм». Однако «остается неустановленным..., в какой мере реальны эти отличия» (стр. 96). Как согласовать эти противоречивые высказывания? Происходит, наконец, или не происходит «процесс перестройки черепа»? Если происходит, то именно этот процесс и получил название процесса грацилизации, хотя бесспорно, конечно, что употребляемые при описании этого процесса термины «не разъясняют возникновения признаков и их последующих изменений» (стр. 96).

Далее В. В. Бунак останавливается на «некоторых методических вопросах» (стр. 96). После бесспорных заявлений о том, что «движущие силы расообразовательного процесса человека определяются, особенно на поздних стадиях, историей человеческих обществ» и что возможность диагноза расового типа у отдельных индивидуумов очень ограничена, В. В. Бунак переходит к критике действительно распространенного среди советских антропологов приема расового анализа, при котором сначала определяется положение исследуемой группы в системе больших рас, а потом устанавливается более детальная характеристика¹⁷. Этот прием представляется В. В. Бунаку неправильным, потому что выделение типов производится при этом «по правилам зоологических определителей». Итак, из правильного, единодушно принимаемого всеми советскими антропологами положения о том, что движущие силы расообразования у человека весьма специфичны, делается как будто вывод о том, что к человеческой расе вообще не применимы никакие критерии, общие с зоологическими. Нет! На той же странице написано, что «критерии для выделения внутривидовых категорий одни и те же в антропологии и в зоологии» (стр. 96). Так

¹⁶ Я. Я. Рогинский, Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас.

¹⁷ См., например, А. И. Ядох, Туркмены Хорезма и Северного Кавказа, «Антропологический журнал», 1933, № 3.

почему же так плохи «правила зоологических определителей»? И разве определение места рассматриваемого явления в системе путем перехода от общего к частному свойственно лишь зоологии?

Общий комплекс признаков большой расы «устанавливается (опять, как и почти во всей статье, в безличной форме, без ссылок.— Г. Д.) путем обобщения отличительных особенностей... и притом особенностей немногочисленных» (стр. 96). Все это верно, и все антропологи будут признательны исследователю, который поможет увеличить количество надежных диагностических признаков. Но дальше следует совершенно неожиданное заключение. Оказывается, что путем обобщения отличительных особенностей выделяются априорно установленные комбинации! Так как же все-таки их «устанавливают» — путем обобщения или априорно? По-видимому, вместо «априорно» В. В. Бунак хотел написать «неверно».

После всех этих теоретических предпосылок В. В. Бунак переходит к классификации рас.

На приложенной к статье схеме, построенной по принципу родословного древа, изображены четыре «ствола», делящиеся на 12 «ветвей», подразделяющихся в свою очередь на 46 типов. Последние сами по себе вполне реальны, и им могут быть найдены аналогии и синонимы почти в любой из существующих классификаций. Уже более полувека, т. е. после классификации Деникера, «наибольшее значение,— как правильно указывает В. В. Бунак,— имеет не перечень типов, а их группировка» (стр. 105).

Четыре «ствола», составляющие первую ступень классификации: тропический (негроидный), южный (австралоидный), восточный (монголоидный) и западный (европеоидный) — те же, что и в большинстве современных классификаций. Разделение негроидов и австралоидов имеет скорее терминологический характер, поскольку, как уже сказано, позднепалеолитический «полиморфный подвид» характеризовался, по мнению В. В. Бунака, признаками тропического и южного стволов, которые тем самым ближе стоят друг к другу, чем к двум другим стволам.

Тропический ствол включает все курчавоволосые типы и делится, на основании территориального критерия, на две ветви: африканскую и океанийскую. Таким образом, меланезийцы оказываются генетически ближе к африканским неграм, чем к австралийцам. Противоположная точка зрения, согласно которой меланезийцы генетически стоят ближе к австралийцам, чем к африканским неграм, В. В. Бунаком отвергается. Можно было бы на этом основании вернуть В. В. Бунаку брошенный им «в пространство» упрек в «одностороннем морфологизме» и в «игнорировании территориального критерия» (стр. 97), но вряд ли имеет смысл заострять полемику по вопросу, для решения которого у нас, надо признаться, очень мало данных. Автору этой статьи представляется, что аргументы в пользу генетического родства меланезийцев с австралийцами в большей мере, чем с африканскими неграми, более убедительны, чем аргументы В. В. Бунака и других антропологов, отстаивающих противоположную точку зрения, но, повторяю, окончательное решение этого вопроса — дело будущих исследований.

Классификация типов южного (австралоидного) ствола также не вызывает серьезных возражений. Как уже указывалось, резкое возражение против объединения австралоидов с негроидами стоит в противоречии с другими высказываниями В. В. Бунака, но эта сторона дела не имеет принципиального характера. Полинезийский тип, по мнению автора этой статьи, имеет в своем составе примесь монголоидных элементов, но участие австралоидного компонента также весьма вероятно, а в схеме В. В. Бунака метисация вообще не изображается, к чему мы вернемся ниже.

Гораздо больше возражений вызывает все, что касается европеоидного ствола. Прежде всего, по мнению В. В. Бунака, выраженному в тексте и

не нашедшему отражения в схеме, это даже не «ствол», а «чисто морфологическое понятие» (стр. 102). Отдельные ветви его «возникали разновременно, развивались независимо и параллельно». Понятие о европеоидной большой расе создали, полагает В. В. Бунак, все же те безымянные «специалисты, относящие к европеоидному стволу все, что не укладывается в рамки монголоидных или негроидных групп» (стр. 102). По существу даже к морфологической общности европеоидов В. В. Бунак относится скептически. Общего европеоидного комплекса признаков, по его мнению, не существует и не существовало. Для доказательства этого тезиса в состав европеоидного ствола включаются, с одной стороны, эфиопы и дравиды, с другой — лопари. О возможности монголоидной примеси у лопарей В. В. Бунак не упоминает, а негроидную примесь у эфиопов и дравидов считает позднейшей и не игравшей роли в формировании этих типов как таковых. Нельзя не признать, что оппонент невольно теряется перед этими утверждениями. Понятие о «белой расе» морфологически настолько очевидно, что признается и самим В. В. Бунаком. А мнение о «чисто морфологическом» содержании этого понятия, т. е. об отсутствии генетической связи, крайне трудно согласовать с тем очевидным фактом, что разные ветви европеоидного ствола образуют сплошной ареал (если исключить, конечно, переселения последних столетий).

«Независимых и параллельных» ветвей европеоидного ствола В. В. Бунак насчитывает четыре.

Первая — индо-африканская, включающая дравидов и эфиопов и образовавшаяся, как уже сказано, независимо от смешения европеоидов с экваториальными расами. В равной степени, как полагает В. В. Бунак, эта ветвь может быть отнесена и к австралоидному стволу. Пытаясь понять концепцию В. В. Бунака, можно представить себе, что индо-африканская ветвь и сохранила в наибольшей мере особенности той группы позднепалеолитического полиморфного подвида, из которого произошли современные европейцы. Тогда, правда, нет нужды отрицать сходство черепов из Эльментейты с протоэфиопским типом, как это делает В. В. Бунак на стр. 88, а потом сблизать эти черепа с западноафриканской¹⁸ негрской группой, как это утверждается на стр. 90.

Вторая ветвь европеоидного ствола — средиземноморская. Она включает, по В. В. Бунаку, как долихо-, так и брахикефальные типы (индо-афганский, переднеазиатский и др.). Следует приветствовать отказ от деления темноволосых европеоидов на долихокефальную «средиземноморскую» и брахикефальную «памиро-альпийскую» ветви. В этом отношении В. В. Бунак, кажется, согласен теперь с автором этой статьи и другими советскими антропологами.

Третья ветвь западного (европеоидного) ствола — евразийская. Она сложилась, по мнению В. В. Бунака, «в глубокой древности». Ее представителями в прошлом являются типы афанасьевской и андроновской культур Южной Сибири и Казахстана, а в настоящее время — каспийский тип, характерный для туркмен и азербайджанцев, и памирский тип, представителями которого являются в первую очередь таджики. Морфологически типы евразийской ветви отличаются от типов средиземноморской ветви «более широким и высоким лицом, узким носом, массивным надбровьем, более прямыми волосами». Неясно, о каких именно типах «евразийской ветви», древних или современных, идет речь. Форма волос, по-видимому, относится к современным, так как для суждения об отличии формы волос афанасьевцев и андроновцев, с одной стороны, от людей культуры ленточной керамики — с другой, требуются хотя бы косвенные доказательства.

¹⁸ Черепа из Эльментейты отнюдь не характеризуются большей выраженностью негроидных признаков, чем современные эфиопские. Между тем, «западно-африканская группа» (в классификации В. В. Бунака такой группы нет, очевидно она соответствует суданскому типу) отличается как раз наиболее резко выраженным комплексом негроидных особенностей.

Но и в отношении современных типов обеих ветвей утверждение о более прямой форме волос представителей евразийской ветви не обосновано. Во-первых, распространенный обычай бритья головы у мужчин вообще затрудняет наблюдения. Во-вторых, методические приемы разных авторов настолько различны, что непосредственные сопоставления возможны только тогда, когда речь идет о резко различных типах, например, о неграх и европейцах. И, наконец, в тех случаях, когда какие-то данные имеются, они отнюдь не свидетельствуют в пользу мнения В. В. Бунака по этому вопросу. У памирцев, среди которых отсутствует обычай бритья головы, Л. В. Ошанин отметил лишь 12% прямых волос¹⁹. В 1950 г. Грузинская антропологическая экспедиция²⁰ одновременно обследовала азербайджанцев (по В. В. Бунаку представителей евразийской ветви), армян, греков и айсоров (по В. В. Бунаку представителей средиземноморской ветви). Частота волнистых волос оказалась у азербайджанцев наибольшей. Надбровье у афанасьевцев и андроновцев развито действительно сильнее, чем у обитателей Средиземноморья в ту же эпоху. Но по отношению к современным представителям «евразийской ветви» характеристика В. В. Бунака не соответствует действительности. Как по данным Грузинской экспедиции, так и по данным Л. В. Ошанина²¹, представители «средиземноморской» и «евразийской» ветвей не различаются по этому признаку. Далее в числе разграничительных признаков упоминается узкий нос, свойственный евразийской ветви. Это уже совсем неверно. Из всех древних типов, которые могут быть привлечены для сравнения, у андроновцев (т. е. у представителей евразийской ветви, по В. В. Бунаку) нос наиболее широкий как по абсолютным размерам, так и по указателю. У афанасьевских черепов абсолютная ширина носа не меньше, чем у некоторых негрских групп²². По соматологическим данным, ширина носа у азербайджанцев несколько меньше, правда, чем у армян, но отнюдь не меньше, чем у испанцев или южных итальянцев. У памирцев, по Л. В. Ошанину, носовой указатель почти такой же, как у арабов или персов. Высота и ширина лица также не могут служить разграничительными признаками между евразийской и средиземноморской ветвями, по крайней мере в составе тех конкретных типов, которые перечислены В. В. Бунаком. У туркмен лицо действительно высокое (даже независимо от монголоидной примеси), но у андроновцев оно наиболее низкое. Ширина лица у андроновцев и афанасьевцев большая, однако у туркмен и азербайджанцев она бесспорно меньше, чем у представителей переднеазиатского типа. Но самое главное заключается в объединении В. В. Бунаком типа современных азербайджанцев, туркмен и таджиков с типами древних афанасьевцев и андроновцев. Все имеющиеся данные категорически противоречат такому заключению. В ту эпоху, когда в Казахстане и Южной Сибири был распространен древний европеоидный тип, отличающийся широким лицом и массивным надбровьем, в Восточном Закавказье и в южных районах Средней Азии жили люди, отличавшиеся узким лицом и сравнительно слабо развитыми надбровными дугами, практически почти не отличавшиеся от современных азербайджанцев и туркмен (особенно если исключить у последних монголоидную примесь)²³. Казалось бы, на основании

¹⁹ Л. В. Ошанин, Иранские племена Западного Памира, Ташкент, 1937, стр. 29 и 31.

²⁰ А. Н. Натишвили и др., Материалы экспедиции 1950 года по антропологии современного населения Грузинской ССР, Труды Ин-та экспериментальной морфологии АН Груз. ССР, т. IV, 1953, стр. 40.

²¹ Л. В. Ошанин и В. К. Ясевич, Материалы по антропологии населения Узбекистана, Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 37.

²² Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М., 1948, стр. 65, 73; В. П. Алексеев, Палеоантропология Южной Сибири. Автореферат диссертации, М., 1955, стр. 8.

²³ Р. М. — М. Касимова, Антропологическое исследование черепов из Минге-чаура, Автореферат диссертации, М.—Л., 1956; В. В. Гинзбург, Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XI, 1950.

этих данных следует сделать вывод, что предками современных туркмен и азербайджанцев были древние племена, жившие на той же территории и обладавшие теми же признаками. Это тем более вероятно, что ни археологические, ни исторические данные не свидетельствуют о значительной смене населения. Не приводя никаких аргументов, В. В. Бунак не делает этого естественного вывода, а сближает современный каспийский тип с андроновским, распространенным на иной территории и настолько отличающимся от каспийского, насколько вообще могут отличаться два краниологических типа европеоидной расы. Андроновцы и афанасьевцы, с одной стороны, азербайджанцы и таджики, с другой, отличаются в той же, примерно, степени и в том же направлении, в каком кроманьонцы отличаются от неолитических типов Европы. Отрицая генетическую связь между гиперморфными типами позднего палеолита с гипоморфными типами более поздних эпох, В. В. Бунак признает возможность такой связи как раз в том случае, когда все имеющиеся данные этому противоречат. Историки, которые пытались бы использовать выводы В. В. Бунака по этому вопросу, вынуждены были бы заключить, что направление этнических связей туркмен и азербайджанцев с народами Передней Азии совершенно не согласуется с направлением антропологических связей. В действительности этой несогласованности не существует, физический тип азербайджанцев и туркмен роднит их в гораздо большей мере с народами восточного Средиземноморья и Передней Азии, чем с древними народами Казахстана и Алтая.

Четвертая ветвь европеоидной расы — европейская. Она включает светловолосые типы Северной Европы, все брахикефальные типы центра, в том числе динарский, и, наконец, лопарей. До тех пор, пока авторы антропологических классификаций придавали большое значение головному указателю, объединение альпийцев с динарцами было, по крайней мере логически, оправдано. Но В. В. Бунак отказался (и, конечно, справедливо) от переоценки формы головы. Однако тогда исчезают всякие основания для объединения динарцев с альпийцами в столь тесных пределах. Общеизвестно, насколько эти типы различаются по всем трем диаметрам мозговой коробки и по их сочетаниям, по ширине лица, форме носа и другим признакам. Н. Н. Чебоксаров, а также Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин, стоят, несомненно, ближе к истине, сближая динарский тип с типами Средиземноморья и Передней Азии. Брахикефальные типы Центральной Европы являются, по мнению В. В. Бунака, потомками неолитических брахикефалов. Если такое предположение вполне допустимо для альпийцев, то оно лишено основания по отношению к динарцам. Но наибольшее возражение вызывает включение в европейскую ветвь также и лопарей. Они, по мнению В. В. Бунака, отличаются от остальных северных европейцев главным образом тем, что не подверглись сильной депигментации.

Такое объяснение особенностей лопарского типа могло бы иметь место, если бы лопари вместе с тем не отличались от скандинавов или от русских, карелов и коми менее развитым третичным волосным покровом, более развитой складкой века (встречается и эпикантус), более выступающими скулами, менее высоким переносьем и другими признаками, которые естественно ведут к выводу о том, что в образовании физического типа лопарей принимал участие монголоидный элемент²⁴.

Преобладание монголоидных признаков у древнего населения Кольского полуострова (этнически, очевидно, протолопарского) было недавно ясно показано В. П. Якимовым²⁵. Участие этого типа лопари, по-види-

²⁴ Д. А. Золотарев, Кольские лопари, Л., 1928.

²⁵ В. П. Якимов, Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем Острове (Баренцево море), «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XV, 1953.

тому, и обязаны своей более темной пигментацией. Еще Н. Ю. Зограф²⁶ подметил, что в центре Русской равнины темная окраска волос и глаз связана с монголоидными признаками. Позднее это было установлено и для Западной Сибири²⁷. Нет сомнения, что в своих прежних работах В. В. Бунак был ближе к истине, объединяя лопарей с обскими уграми в одну «протоазиатскую расу»²⁸. Произведенное теперь глубокое разделение этих столь очевидно близко родственных типов следует признать совершенно необоснованным.

Восточный ствол (монголоидная большая раса) делится В. В. Бунаком также на четыре ветви. Высказывания по поводу генетических взаимоотношений этих ветвей противоречивы. С одной стороны, монголоидный ствол, как и европеоидный, «далеко не представляет собой генетически однородной единицы» (стр. 99), и выделение этого ствола в качестве систематической единицы генеалогической классификации — «дань установившейся традиции» (стр. 99). С другой стороны, существование общего комплекса признаков монголоидной большой расы все же признается и намечается даже ареал формирования «восточной группы», что является, очевидно, синонимом монголоидного ствола.

Первая (на схеме) ветвь монголоидного ствола — уральская. Типичными представителями ее являются обские угры. В. В. Бунак отвергает возможные предположения о том, что уральский тип является «периферийным типом» монголоидной или европеоидной расы, на том основании, что представление о столь расширенном ареале формирования той или иной из этих больших рас приводит к отрыву их от географической среды. Отвергается также и широко распространенное представление о метисном происхождении этого типа. Это представление является, по мнению В. В. Бунака, ошибочным, на том основании, что древнейшие монголоидные черепа лесной зоны Сибири известны лишь начиная со II тысячелетия до н. э. и происходят главным образом из Забайкалья²⁹. До Уральского хребта монголоиды могли, следовательно, дойти только в еще более позднее время. Допустим, что можно не считаться с палеолитическим фрагментом лобной кости со стоянки Афонтова Гора. Допустим, что датировки А. П. Окладникова³⁰ неверны и что весь прибайкальский неолит не старше II тысячелетия. Но и тогда нельзя считать сколько-нибудь убедительным аргумент В. В. Бунака. Если по отношению к лесной зоне Сибири нет прямых указаний на распространение монголоидов в глубокой древности, то ведь нет данных и о других типах. Идя таким путем, можно отрицать также возможность заселения Америки через область Берингова пролива. Однако В. В. Бунак этого не отрицает. Как же объясняет В. В. Бунак происхождение уральской ветви? По его мнению, это самостоятельная ветвь, которую «лишь формально» можно причислить к европеоидному или монголоидному стволу. Географически и морфологически, как признает В. В. Бунак, уральская ветвь занимает промежуточное положение между европеоидами и монголоидами. Но генетически уральская ветвь не связана, оказывается, ни с теми, ни с другими! Невероятность этого вывода совершенно очевидна. Географическая среда, в которой формировался уральский тип, резко отличается от той, в которой происходило формирование монголоидной расы. Как же объяснить, почему обские угры по всем признакам отличаются от типичных европеоидов в том же направлении, что и монголоиды? Какие обстоятельства, помимо реальных исторических

²⁶ Н. Ю. Зограф, Антропометрические исследования великорусского населения..., Труды Антропол. отд. Об-ва любителей естеств., антроп. и этнографии, т. XV, М., 1893.

²⁷ Г. Ф. Дебец, Селькупы, Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. II, 1947.

²⁸ V. B u n a k, Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen., «Zschr. für Morphologie und Anthropologie», Bd. XXX, N. 3, 1932.

²⁹ Это описка. Имеется в виду Прибайкалье.

³⁰ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, т. I, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1950, стр. 139.

связей, могли привести к морфологической промежуточности уральского типа? К тому же не только географические и морфологические данные, но и археологические факты³¹ и языкознание³² свидетельствуют о существовании восточных связей племен и народов, которые в антропологическом отношении характеризуются признаками уральского типа.

Второй ветвью монголоидного ствола является центральноазиатская. Ее характеристика мало отличается от той, которая дается другими советскими исследователями. Можно сомневаться, правда, в том, что гималайский тип (соответствующий тибетскому) относится именно к этой ветви, а не к тихоокеанской, можно полагать излишним введение нового синонима для байкальского типа (у В. В. Бунака он называется забайкальским), но это все детали, не заслуживающие обсуждения, когда речь идет о статье, посвященной общим проблемам.

Не вызывает возражений и выделение третьей, тихоокеанской ветви, описанной в соответствии с выводами Н. Н. Чебоксарова³³, принятыми большинством советских антропологов.

Четвертая ветвь — американская. И она характеризуется в соответствии с распространенными у нас взглядами, сформулированными, например, Я. Я. Рогинским³⁴.

На основании всего сказанного приходится, к сожалению, сделать вывод, что теоретическая часть статьи В. В. Бунака имеет ряд существенных недостатков.

Во-первых, в статье много противоречий. Сюда относится изложение вопросов о морфологической общности европеоидных типов, о генетической общности монголоидных, о степени сходства и родства австралоидов с негроидами, о существовании расовых типов в позднем палеолите, о критериях выделения внутрирасовых категорий. Кроме того, противоречивые суждения высказаны и по более частным вопросам: о значении ширины лица как признака европеоидной расы, о положении эльментейтского типа и др.

Во-вторых, в статье встречаются недомолвки и неясности. Полемические высказывания «не имеют адреса», вопрос о генетических отношениях человека современного и неандертальского видов обойден молчанием, непонятно изложены специфические свойства этапов расообразования после неолита.

В-третьих, статья изобилует фактическими ошибками. Неверно, что у кроманьонцев невысокое переносье, неверно (в том понимании кроманьонского типа, которого придерживается В. В. Бунак), что для этого типа характерна малая высота мозговой коробки, неверно, что у гримальдийцев высокое переносье, неверно, что андроновский и афанасьевский типы отличаются узким носом, неверно, что азербайджанцы и таджики отличаются широким лицом (хотя это может быть отнесено за счет сбивчивого изложения), неверно, наконец, нигде прямо не высказанное, но вытекающее из всего контекста утверждение, что В. В. Бунак является чуть ли не единственным сторонником генеалогического подхода к классификации и взгляда об изменяемости расовых признаков.

Нам остается теперь рассмотреть, насколько пригодна воспроизведенная в статье схема генеалогической классификации рас в качестве наглядного пособия для музейной экспозиции, для целей преподавания и пр.

По вопросу о числе, соподчиненности и группировке ветвей против этой схемы могут быть сделаны лишь отдельные возражения. Совершенно

³¹ М. Е. Фосс, Культурные связи севера Восточной Европы во втором тысячелетии до нашей эры, «Советская этнография», 1948, № 4.

³² Г. Н. Прокофьев, Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна, сб. «Советская этнография», III, 1940.

³³ Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. II, 1947.

³⁴ Я. Я. Рогинский, Проблема происхождения монгольского расового типа, «Антропологический журнал», 1937, № 2.

неверно только выделение евразийской ветви, особенно если иметь в виду пояснения, данные в тексте и разобранные выше.

Вряд ли удачен далее принятый в схеме способ изображения соотношения отдельных «стволов» с человечеством в целом. Разные «стволы» отделяются не одновременно, а последовательно. Раньше всех отделяются тропический ствол (негроидный) и южный (австралоидный). Этот графический прием, вопреки, конечно, желанию В. В. Бунака, может способствовать созданию впечатления о «низшей» природе негров, что еще усугубляется положением негроидных и австралоидных форм в нижней части схемы и, наконец, соответствующими местами разобранного выше объяснительного текста, из которого прямо вытекает, что общая исходная форма современных рас морфологически ближе к негроидам и австралоидам, чем к другим большим расам. В этом вопросе необходимо соблюдать особую тактичность и осторожность. Дело в том, что те или иные антропологические типы действительно могут сохранять относительно больше особенностей, свойственных протоморфным типам. Это обстоятельство нельзя, конечно, ни скрывать, ни так или иначе «вуалировать». Оно не является аргументом в пользу расизма по той простой причине, что признаки, о которых идет речь, не связаны с жизненно важными биологическими особенностями человеческого вида, самая сущность и человеческая специфика которых заключается в том, что они не изменяются ни с изменением условий существования, ни, тем более, каким-либо автогенетическим путем. Подобные соображения, конечно, имел в виду и проф. В. В. Бунак: как бы ни располагались ветви, лежащие выше ископаемых неоантропов, они не могут быть ни «высшими», ни «низшими» в эволюционном смысле. И все же если в графическом изображении можно, ни на шаг не отступая от истины, избегать возможных кривотолков, то это следует делать.

Наконец, следует остановиться на роли метисации и ее отражении в схеме. На схеме В. В. Бунака стволы, ветви и типы только разветвляются, но не соединяются. В тексте смешанное происхождение признается только за меланезийским, южносибирским и японским типами. Но и это не получило графического отображения. Между тем разве не является широкое смешение одним из специфических свойств человеческих рас в отличие от рас животных? И разве только в эпоху капитализма и колонизации (антропологические последствия которой, к сожалению, очень трудно изобразить графически) метисация стала таким свойством? Разве, наконец, не важно отразить в схеме эту специфику, тем более, что все остальные отличия человеческих рас от рас животных не находят графического отражения?

Выводы

1. Вопреки утверждению В. В. Бунака, древние протоморфные типы современных больших рас существуют уже в позднем палеолите.

2. Нет оснований отказываться от представления о процессе грацилизации, как об основном направлении развития отличий древних типов от современных.

3. Монголоидная, европеоидная и экваториальная (негро-австралоидная) большие расы представляют собой группы, связанные общностью происхождения.

4. Метисация играла важную роль в процессе расообразования. Все большие расы связаны между собой рядом промежуточных форм метисного происхождения.

5. В классификации рас, предложенной В. В. Бунаком, в тех частях, в которых она отличается от опубликованных за последнее пятилетие классификаций других советских антропологов, имеется много серьезных ошибок.